

Семейное право в условиях формирования новой социальной реальности: доктринальные начала правоприменения¹

Аннотация. Совершенствование правового регулирования семейных отношений сопряжено с поиском и реализацией новых социальных, организационных, юридических и иных мер поддержки функционирования традиционного института семьи. Вместе с тем семейное законодательство не всегда учитывает современные тенденции жизнедеятельности общества, что в определенной степени препятствует осуществлению и защите семейных прав, а также обеспечению справедливого баланса интересов участников семейных и иных отношений. В этом смысле в ряде случаев наиболее эффективно реагируют вышестоящие суды, своевременно принимающие во внимание даже незначительные изменения социальной реальности.

Трансформация семейного права в условиях изменения социальной реальности зиждется на двух концептуальных началах: во-первых, сохранение традиционных семейных ценностей российского общества и, как следствие, отражение таковых на законодательном уровне и в судебной практике, а во-вторых, законодательное и правоприменительное реагирование на новейшие социальные практики. Названные начала трансформации семейного права дополняют друг друга, позволяя учесть общественные запросы различных социальных групп.

К основным направлениям современной трансформации семейного права, нашедшим отражение в судебной практике, отнесены: во-первых, расширение сферы семейно-правового регулирования общественных отношений вследствие усложнения системы социальных связей; во-вторых, расширение системы межотраслевых связей семейного права, вызванное усложнением правового регулирования общественных отношений в целом, следствием которого является смещение акцентов при обеспечении справедливого баланса интересов участников семейных и иных правоотношений, усиление гражданско-правовых начал в регулировании семейных отношений, придание традиционным семейно-правовым институтам новых факультативных свойств и целевого назначения, в том числе проникновение публично-правовых целей в частноправовое поле семейной жизни; в-третьих, обеспечение гендерного баланса в семейных отношениях на правоприменительном уровне.

Ключевые слова: алиментные обязательства; баланс интересов; брачные правоотношения; гендерный баланс; гражданско-правовое регулирование; межотраслевые связи семейного права; правоотношения родителей и детей; семейное право; семейные правоотношения; судебная практика.

Для цитирования: Ксенофонтова Д. С. Семейное право в условиях формирования новой социальной реальности: доктринальные начала правоприменения // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 11. — С. 124–133. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.180.11.124-133.

¹ Научное исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-00998-21-00 от 22.12.2020 на тему «Трансформация российского права в условиях больших вызовов: теоретико-прикладные основы» (FSMW-2020-0030).

© Ксенофонтова Д. С., 2021

* Ксенофонтова Дарья Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры семейного и жилищного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
dsksenofontova@msal.ru

Family Law in the Context of a New Social Reality Formation: Doctrinal Principles of Law Enforcement²

Daria S. Ksenofontova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Family and Housing Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
dsksenofontova@msal.ru

Abstract. Improving the legal regulation of family relations involves the search and implementation of new social, organizational, legal and other measures to support the functioning of the traditional institution of the family. At the same time, family legislation does not always take into account modern trends in the life of society, which to a certain extent hinders the exercise and protection of family rights, as well as ensuring a fair balance of interests of participants in family and other relationships. In this sense, in some cases, higher courts react most effectively, taking into account even minor changes in social reality in a timely manner.

The transformation of the family law in the context of changing social reality is based on two conceptual principles: firstly, the preservation of traditional family values of Russian society and, as a consequence, the reflection of such at the legislative level and in judicial practice, and secondly, legislative and law enforcement response to the latest social practices. These principles of transformation of family law complement each other, allowing us to take into account the public demands of various social groups.

The main directions of the modern transformation of family law, reflected in judicial practice, include the following. First, the expansion of the sphere of family law regulation of public relations is due to the complexity of the system of social relations. Second, it is the expansion of the system of intersectoral relations of family law, caused by the complexity of the legal regulation of public relations in general. Its consequences are a shift in emphasis in ensuring a fair balance of interests of participants in family and other legal relations, the strengthening of civil law principles in the regulation of family relations, giving traditional family law institutions new optional properties and purpose, including the penetration of public legal goals in the private legal field of family life. Third, it is to ensure gender balance in family relations at the law enforcement level.

Keywords: alimony obligations; balance of interests; marital legal relations; gender balance; civil law regulation; intersectoral relations of family law; legal relations of parents and children; family law; family legal relations; judicial practice.

Cite as: Ksenofontova DS. Semeynoye pravo v usloviyakh formirovaniya novoy sotsialnoy realnosti: doktrinalnye nachala pravoprimereniya [Family Law in the Context of a New Social Reality Formation: Doctrinal Principles of Law Enforcement]. *Lex russica*. 2021;74(11):124-133. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.180.11.124-133. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Изменяющаяся социальная реальность в значительной мере влияет на развитие внутрисемейных связей, в том числе вследствие выполнения семьей ряда общественно значимых функций, прежде всего связанных с физическим и нравственно-духовным воспроизводством населения. Трансформация правового регулирования семейных отношений во многом сопряжена с пристальным вниманием государства к качественным условиям жизнедеятельности со-

временного общества. Поиск и эффективная реализация отличающегося новизной и отвечающего потребностям современного общества комплекса мер социального, экономического, политического, организационного и юридического характера в целях поддержки функционирования традиционного института семьи становится одним из ключевых направлений государственной социальной политики Российской Федерации.

Поправки, внесенные в Конституцию Российской Федерации³, в очередной раз подчерки-

² The research was carried out within the framework of the state task No. 075-00998-21-00 of 22 December 2020 on the topic "Transformation of Russian law in the face of big challenges: Theoretical and applied foundations" (FSMW-2020-0030).

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования) // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020)

вают значимость государственной защиты семьи, материнства, отцовства и детства, а также иллюстрируют значительное проникновение публичного интереса в сферу частной семейной жизни⁴. По справедливому мнению И. А. Покровского, «строение семьи и семейственных отношений затрагивает самые разнообразные интересы — интересы самих членов семьи, интересы различных общественных групп, интересы государства, наконец, интересы религии, церкви», и «все эти интересы перекрещиваются самым различным образом, создавая возможность разнообразных и зачастую очень острых конфликтов»⁵. Обеспечение справедливого баланса названных интересов есть главный вектор современной семейной политики, направленной прежде всего на гарантирование социального благополучия семьи.

Например, столкновение частных и публичных интересов находит новые проявления в детско-родительских отношениях. Субъекты семейных правоотношений уже сегодня сталкиваются с некоторыми последствиями генетической (биотехнологической) революции, которые выражаются не только в практике применения вспомогательных репродуктивных технологий, но и в значительной опасности открывшейся возможности редактирования генома человеческого эмбриона, способной сделать общество будущего продуктом генетического программирования, поставив под угрозу существование семьи как автономной малой социальной группы. Традиционные нравственные проблемы переходят в иную плоскость: при сохранении актуальности вопроса о законодательном разрешении или запрете абортов и недопустимости государственного вмешательства в частную сферу материнства все большую значимость приобретает вопрос об определении судьбы эмбрионов, полученных в рамках процедуры экстракорпорального оплодотворения.

Некоторым изменениям подвержены общественные представления о брачных отношениях. Однако правовая оценка значительного количества случаев расторжения браков и распространения фактических брачных отношений (сожителства) не является новой задачей для

юридической науки. Поддерживая целесообразность законодательного установления свободы разводов, еще А. И. Покровский обращал внимание на то, что соответствующие статистические данные «только раскрывают перед нами подлинные размеры уже существующей семейной расшатанности», и призывал: «считайте все брачные союзы, фактически расторгнутые, считайте все незаконные сожителства — и только тогда вы получите подлинную картину семейной жизни в каждом данном обществе», а «юридическая квалификация этих сожителств ни на йоту не может изменить реального положения дел»⁶.

Всё большую актуальность приобретает проблема обеспечения гендерного баланса в сфере семейных отношений, при этом недопустимо игнорирование постепенного развития общества в сторону более равномерного распределения обязанностей мужчин и женщин в семье. Анализ законодательства и правоприменительной практики позволяет констатировать, что гендерные паттерны встречаются при рассмотрении споров об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей, определении лиц, уполномоченных на взыскание алиментов или участие в применении вспомогательных репродуктивных технологий, и др.

Таким образом, российское законодательство исходит из необходимости укрепления социального института семьи, однако не всегда учитывает современные тенденции жизнедеятельности общества, что в определенной мере препятствует гарантированным осуществлению и защите семейных прав. В этом отношении наиболее эффективно реагируют вышестоящие суды, своевременно учитывающие общественные потребности и даже незначительные изменения социальной реальности.

Основные направления современной трансформации семейного права в контексте правоприменительной практики

1. *Расширение сферы семейно-правового регулирования общественных отношений вслед-*

⁴ В доктрине обосновывается, что частно-публичная пронцаемость является новым ценностным свойством права XXI века (см.: Синюков В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica. 2021. Т. 74. № 2. С. 19).

⁵ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2013. С. 163.

⁶ Покровский И. А. Указ. соч. С. 175–176.

ствие усложнения системы социальных связей. В доктрине подчеркивается, что современная трансформация общества характеризуется важной особенностью, выражающейся в том, что действие различных детерминирующих ее факторов, как то: новая социальная структура общества, меняющиеся экономические реалии, новые интеграционные связи, права человека, прогресс юридической формы — осуществляется сквозь призму ведущего интегрирующего начала технологического прогресса, вследствие чего возможно резюмировать, что динамику права определяют вопросы науки, техники и технологий⁷. Расширению сферы семейно-правового регулирования общественных отношений в определенной мере способствует стремительное развитие новых медицинских технологий, прежде всего сопряженных с преодолением проблемы деторождения, однако порождающих необходимость решения биоэтических проблем, связанных с обеспечением уважения человеческого достоинства.

Так, применение вспомогательных репродуктивных технологий позволяет гражданам, для которых биологическое материнство или отцовство затруднены по медицинским показаниям, реализовать естественную потребность в осуществлении родительской заботы. Ввиду этого, на первый взгляд непоследовательным может показаться законодательный подход, в соответствии с которым лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери) (п. 4 ст. 51 Семейного кодекса РФ⁸). Между тем таковой подход объясним действием принципа *mater est quam gestation demonstrate* (п. 1 ст. 48 СК РФ), что, однако, не решает проблемы возникающей конкуренции интересов потенциальных родителей, суррогатной матери и членов ее семьи, а также ребенка, рожденного при применении суррогатного материнства.

В связи с этим «прорывным» видится закрепленное в п. 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О при-

менении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей»⁹ (далее — ПП ВС РФ № 16) правовоположение, согласно которому отказ суррогатной матери дать согласие на запись родителями ребенка потенциальных родителей не может служить безусловным основанием для отказа в удовлетворении иска данных лиц о признании их родителями ребенка и передачи им ребенка на воспитание, ибо такие споры суды должны разрешать в интересах ребенка с учетом ряда обстоятельств. Таким образом, представленные разъяснения направлены на позитивное нивелирование закрепленного в законодательстве принципа «мать определяется беременностью» в интересах рожденного ребенка.

Такое толкование носит крайне расширительный характер: норма п. 4 ст. 51 СК РФ все же является императивной и не допускает судебного усмотрения ни в порядке особого исключения, ни в целях обеспечения интересов ребенка, тогда как с учетом специфики семейных отношений более уместной была бы именно правовая норма ситуационного типа, однако Верховный Суд РФ, обнаружив неэффективность и несправедливость правового регулирования, традиционно предпочитает воспользоваться «технологией судебного правотворчества», нежели правом законодательной инициативы¹⁰.

Особого внимания заслуживает вопрос об использовании донорского генетического материала при применении вспомогательных репродуктивных технологий. Так, в пункте 32 ПП ВС РФ № 16 разъясняется, что рождение ребенка с использованием супругами (одинокой женщиной) донорского генетического материала не влечет установления родительских прав и обязанностей между донором и ребенком независимо от того, было данное лицо известно родителям ребенка или нет (анонимный донор). Как следствие, во-первых, лицо, являвшееся донором генетического материала, не вправе при разрешении требований об оспаривании и (или) установлении отцовства (материнства) ссылаться на то обстоятельство, что оно является фактическим родителем ребенка, а во-вто-

⁷ См.: Синюков В. Н. Указ. соч. С. 11.

⁸ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.

¹⁰ Тарусина Н. Н. Доказывание по гражданским делам из личных семейных правоотношений: трудности жанра // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 264–266.

рых, не может быть удовлетворено требование лиц, записанных в качестве родителей (единственного родителя) ребенка, об установлении отцовства в отношении лица, являвшегося донором генетического материала, с использованием которого был рожден ребенок.

При этом в судебной практике подчеркивается, что при рассмотрении требования об установлении отцовства лица, предоставившего половые клетки для проведения лечения бесплодия методом экстракорпорального оплодотворения или искусственной инсеминации, правовое значение для последствия проведения процедуры экстракорпорального оплодотворения имеет нахождение участников данной процедуры в браке, тогда как некое «партнерство» женщины и донора спермы не может служить достаточным основанием для установления отцовства в судебном порядке¹¹.

Семейно-правовое сопровождение внедрения новых медицинских технологий, сопряженных с решением проблем деторождения, характеризуется сложившейся концепцией отставания права, когда задача государства заключается в реагировании на технологические изменения и корректировании действующего законодательства, однако таковая, безусловно, должна уступить получающему распространение доктринальному подходу к поиску путей объединения технологий и этических ценностей и норм в области защиты семейных прав человека¹².

Конституционный Суд РФ подчеркивает, что особая роль семьи в развитии личности, удовлетворении ее духовных потребностей и обусловленная этим конституционная ценность института семьи определяют необходимость уважения и защиты со стороны государства семейных отношений, одним из принципов регулирования которых является приоритет семейного воспитания детей и реализация которых, соответственно, предполагает не только

заключение брака, но и закрепление правовой связи между родителем (лицом, его заменяющим) и ребенком¹³.

В связи с этим в ст. 55 СК РФ устанавливается право ребенка на общение с родителями и другими родственниками. Вместе с тем возможна ситуация, когда родитель ребенка утрачивает свои родительские права вследствие оспаривания отцовства в отношении ребенка, которого он воспитывал как своего собственного в течение продолжительного времени, ввиду чего между такими родителем и ребенком были установлены тесные межличностные отношения, сохраняющие значимость для каждого из них, а также потребность во взаимном общении, которое на законодательном уровне не обеспечивается. Вследствие этого лицо, которое не приходится ребенку родственником, но заботилось о нем в течение продолжительного периода и установило с ним тесную личную связь, полностью исключается из жизни ребенка и не имеет права на общение с ребенком. Европейский Суд по правам человека выразил обеспокоенность по поводу негибкости положений российского законодательства, устанавливающего исчерпывающий перечень лиц, имеющих право на общение с ребенком, без учета разнообразия семейных ситуаций и наилучших интересов ребенка¹⁴.

Следует признать, что в некоторой мере негибкость российского законодательства обусловлена отсутствием конструкции фактического воспитания, направленной на позитивное регулирование отношений между воспитателем и воспитанником. Е. Г. Комиссарова справедливо полагает, что семейные ценности могут быть реализованы посредством названного социально-правового явления, обеспечивающего сохранение семейного статуса ребенка, а потому в целях недопущения разрыва семейной общности можно и должно предоставить свободу выбора родителям ребенка в том, быть или не

¹¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 02.07.2019 по делу № 64-КГ19-6. Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

¹² См.: О'Салливан С. В поисках баланса между техническим прогрессом и уважением человеческого достоинства // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Права человека и биомедицина. Специальный выпуск. 2018. № 7. С. 10.

¹³ Пункт 2 постановления Конституционного Суда РФ от 31.01.2014 № 1-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Аникиева» // СЗ РФ. 2014. № 7. Ст. 735.

¹⁴ Пункт 128 постановления Европейского Суда по правам человека от 16.07.2015 «Дело "Назаренко (Nazarenko) против Российской Федерации"» (жалоба № 39438/13) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2016. № 2.

быть отношениям фактического воспитания в параллели с родительским воспитанием, а фактическому воспитателю — свободу принятия на себя соответствующих забот о ребенке¹⁵. Представляется, что отношения между ребенком и родителем, утратившим соответствующий правовой статус, могут быть квалифицированы в качестве отношений фактического воспитания, если сохранение таковых отвечает интересам несовершеннолетнего члена семьи.

В свою очередь, необходимо отметить, что в п. 29 ПП ВС РФ № 16 предложен иной, хотя и частный вариант разрешения рассматриваемой проблемы посредством сохранения семейно-правовой связи между родителем и ребенком: в исключительных случаях, в целях наилучшего обеспечения интересов ребенка, исходя из приоритетной защиты его прав и интересов, а также с учетом конкретных обстоятельств дела суд может отказать в удовлетворении иска об оспаривании отцовства, если одновременно с таким иском матерью либо опекуном (попечителем) ребенка не заявлено требование об установлении отцовства в отношении биологического отца ребенка либо такое требование не предъявлено биологическим отцом ребенка, а лицо, записанное в качестве отца ребенка, возражает против удовлетворения иска. При этом к конкретным обстоятельствам дела, имеющим юридическое значение для разрешения дела, Верховный Суд РФ относит длительные семейные отношения, сложившиеся между ребенком и лицом, записанным в качестве его отца, устойчивую эмоциональную привязанность ребенка к этому лицу, намерение данного лица продолжать воспитывать этого ребенка и заботиться о нем как о своем собственном. Таким образом, констатируемая Европейским Судом по правам человека негибкость российского законодательства в данном вопросе в определенной степени нивелируется правоприме-

нительным подходом Верховного Суда РФ к социальному родительству.

2. *Расширение системы межотраслевых связей семейного права, вызванное усложнением правового регулирования общественных отношений в целом.* М. Ю. Чельшев справедливо отмечал, что межотраслевое взаимное влияние представляет собой процесс воздействия друг на друга различных, в некоторой степени взаимопересекающихся в предметном и содержательном отношениях правовых образований, в результате чего на уровнях правовых норм и правореализации может происходить их известная трансформация¹⁶.

Названное направление трансформации правового регулирования семейных отношений влечет различные социально-экономические, организационные, юридические и иные последствия. Прежде всего следует сказать о *смещении акцентов при обеспечении справедливого баланса интересов участников семейных и иных правоотношений*, которое наиболее очевидно прослеживается в правоприменительных подходах, выработанных, например, в части взаимодействия правовых норм об имущественных отношениях членов семьи и банкротстве граждан¹⁷.

Усложнение межотраслевых связей семейного права в значительной мере предопределяет необходимость обеспечения баланса семейно-правового и иного отраслевого регулирования в различных областях общественных отношений¹⁸. Ввиду этого следует обратить внимание на *тенденцию усиления гражданско-правовых начал в регулировании семейных отношений*. Так, в судебной практике обоснованно резюмируется, что в действующем семейном законодательстве не закреплена презумпция общности долгов супругов, что в значительной мере направлено на обеспечение правовой защиты членов семьи должника,

¹⁵ Комиссарова Е. Г. Проблема фактического воспитания ребенка: методологический взгляд // Lex russica. 2020. Т. 53. № 6. С. 24–25.

¹⁶ См.: Чельшев М. Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2008. С. 9.

¹⁷ Пункт 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2 ; определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.10.2017 № 310-ЭС17-9405(1,2) по делу № А09-2730/2016 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс» ; определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 02.08.2018 № 305-ЭС18-1570 по делу № А40-184304/2015 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ См.: Чельшев М. Ю. Указ. соч. С. 3.

но не его кредиторов. В Обзоре судебной практики № 1 (2016)¹⁹ разъясняется: в случае заключения одним из супругов договора займа или совершения иной сделки, связанной с возникновением долга, такой долг может быть признан общим лишь при наличии обстоятельств, вытекающих из п. 2 ст. 45 СК РФ (возникновение обязательства по инициативе обоих супругов или использование на нужды семьи всего полученного по обязательствам одним из супругов), бремя доказывания которых лежит на стороне, претендующей на распределение долга.

В свою очередь, активно обсуждаемая реформа правового регулирования имущественных отношений супругов предполагает трансформацию сложившегося правоприменительного подхода, ибо проектом федерального закона № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части имущественных отношений супругов)»²⁰ предлагается на законодательном уровне закрепить презумпцию общности супружеских долгов, что в п. 9 пояснительной записки к законопроекту объясняется презумпцией испрошенного согласия второго супруга, которая влечет возникновение в подавляющем большинстве случаев общих обязательств по сделкам, заключенным одним из супругов, а также поступлением любого дохода одного из супругов, в том числе дохода в виде полученных от третьего лица в собственность заемных средств, в общую совместную собственность супругов. Однако следует согласиться с мнением Е. А. Чефрановой, согласно которому весьма краткое обоснование столь революционного нововведения не убеждает, тогда как предлагаемая новелла способна породить сложные проблемы не только в части правоприменения²¹.

По справедливому мнению О. Н. Низамиевой, асимметрия, «вызванная неравными возможностями супруга — титульного должника и другого супруга по доказыванию того, на какие цели были израсходованы заемные (кредитные) средства», может привести к различным злоупотреблениям со стороны супруга-должника и нарушению прав и интересов другого супруга²². Сложно опровергнуть и позицию С. Ю. Чашковой, согласно которой предлагаемая новелла «свидетельствует о наличии устойчивого желания законодателя сохранить “прокредиторскую” направленность в регулировании данных отношений в противоречии с интересами субъектов семейных отношений»²³.

Представленные примеры позволяют резюмировать, что при конкуренции интересов членов семьи и участников гражданского оборота в ряде случаев приходится констатировать перевешивание чаши весов в сторону последних, тогда как подобного рода практика в значительной мере препятствует достижению цели семейно-правового регулирования, которая, очевидно, не связана с обеспечением стабильности, устойчивости и предсказуемости гражданского оборота, но непременно служит укреплению институтов семьи и брака.

В качестве последствия укрепления межотраслевого взаимодействия семейного права с иными отраслями права можно обозначить *придание традиционным семейно-правовым институтам новых факультативных свойств и целевого назначения*. Например, на появление факультативных целей семейно-правового института алиментирования повлияло расширение системы мер, направленных на обеспечение реализации конституционного права граждан на жилище. Так, в соответствии с п. 40 постановления Пленума Верховного

¹⁹ Обзор судебной практики 2016 (№ 1), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13 апреля 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 11–12.

²⁰ Проект федерального закона № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части имущественных отношений супругов) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7> (дата обращения: 10.09.2021).

²¹ См. подробнее: Чефранова Е. А. К вопросу об ответственности супругов по обязательствам // Семейное и жилищное право. 2021. № 2. С. 30–33.

²² Низамиева О. Н. Законный режим имущества супругов: к вопросу о перспективах развития правового института // Социально-правовые аспекты трансформации института современной семьи в контексте реализации государственной семейной политики : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию принятия Семейного кодекса Российской Федерации / под общ. ред. О. Ю. Ильиной. Тверь, 2020. С. 180.

²³ Чашкова С. Ю. О тенденциях развития договорного регулирования семейных имущественных отношений супругов с учетом развития законодательства и судебной практики // Lex russica. 2021. Т. 74. № 5. С. 71.

Суда РФ от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов»²⁴ (далее — ПП ВС РФ № 56) к исключительным обстоятельствам, порождающим алиментную обязанность родителей участвовать в несении дополнительных расходов на несовершеннолетних или нетрудоспособных совершеннолетних нуждающихся детей, отнесены тяжелая болезнь, увечье детей, требующие, в частности, оплаты постороннего ухода за детьми, иных расходов, необходимых для излечения или поддержания здоровья детей, а также для их социальной адаптации и интеграции в общество (расходы на протезирование, приобретение лекарств, специальных средств для ухода, передвижения или обучения и т.п.) и др. В целях преодоления изложенного ограничительного толкования перечень рассматриваемых исключительных обстоятельств был расширен на законодательном уровне посредством указания на отсутствие пригодного для постоянного проживания жилого помещения у алиментоправомоченного ребенка (ст. 86 СК РФ)²⁵. Тем самым алиментные обязательства стали одним из средств удовлетворения жилищной потребности соответствующих граждан.

3. Обеспечение гендерного баланса в семейных отношениях на правоприменительном уровне. Согласно п. 4 ст. 1 СК РФ запрещаются любые формы ограничения прав граждан при вступлении в брак и в семейных отношениях по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Вместе с тем права граждан в семье могут быть ограничены, однако только на основании федерального закона и лишь в той мере, в какой это служит достижению конституционно значимых целей.

Семейному законодательству известны случаи ограничения семейных прав по гендерному признаку, которые не выбиваются из обозначенного правила-исключения. В частности, речь идет о ст. 17 СК РФ, закрепляющей ограничение права на предъявление мужем требования о расторжении брака в целях защиты здоровья женщины, а потому данное ограничение действует также в случаях, когда ребенок родился мертвым или умер до достижения им возраста

одного года (п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака»²⁶).

Напротив, в отношении ограничений алиментных прав мужа (бывшего мужа), установленных ст. 89 и 90 СК РФ, подобного рода обоснование не обнаруживается. Ввиду несправедливого правового регулирования алиментных отношений в п. 44 ПП ВС РФ № 56 разъясняется: если уход за общим ребенком супругов (бывших супругов) осуществляется отцом ребенка, а мать ребенка устранилась от его воспитания и содержания, муж (бывший муж) вправе требовать предоставления содержания до достижения ребенком возраста трех лет. К такому правоприменительному подходу Верховный Суд РФ пришел, применив аналогию закона. Вместе с тем аналогия закона возможна лишь при пробеле в правовом регулировании, который применительно к рассматриваемым отношениям отсутствует. Кроме того, сформулированное правоположение ставит возникновение права на алименты мужа (бывшего мужа) в зависимость от устранения матерью от воспитания и содержания ребенка, тогда как такие условия применительно к алиментоправомоченной жене (бывшей жене) также не предусмотрены. Однако следует бесспорно признать, что сам потенциал такого разъяснения заслуживает самой полной поддержки.

Выводы

Трансформация семейного права в условиях изменения социальной реальности зиждется на двух концептуальных началах: во-первых, сохранение традиционных семейных ценностей российского общества и, как следствие, отражение таковых как на законодательном уровне, так и в судебной практике, а во-вторых, законодательное и правоприменительное реагирование на новейшие социальные практики. Названные начала трансформации семейного права дополняют друг друга, позволяя учесть общественные запросы различных социальных групп.

Значительная роль в модернизации правового регулирования семейных отношений

²⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

²⁵ Федеральный закон от 06.02.2020 № 10-ФЗ «О внесении изменения в статью 86 Семейного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 6. Ст. 589.

²⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 1.

отводится суду, ведь «закон, как бы совершен он ни был в момент своего издания, с течением времени, при изменившихся обстоятельствах может даже вообще превратиться в сплошную несправедливость»²⁷, не дожидаясь законодательного решения, суд выполняет функцию примирителя социальных конфликтов, выясняя и оценивая сталкивающиеся интересы, отдавая предпочтение более достойному²⁸.

К основным направлениям современной трансформации семейного права, нашедшим отражение в судебной практике, следует отнести: во-первых, расширение сферы семейно-правового регулирования общественных отношений вследствие усложнения системы

социальных связей; во-вторых, расширение системы межотраслевых связей семейного права, вызванное усложнением правового регулирования общественных отношений в целом, следствием которого является смещение акцентов при обеспечении справедливого баланса интересов участников семейных и иных правоотношений, усиление гражданско-правовых начал в регулировании семейных отношений, придание традиционным семейно-правовым институтам новых факультативных свойств и целевого назначения, в том числе проникновение публично-правовых целей в частноправовое поле семейной жизни; в-третьих, обеспечение гендерного баланса в семейных отношениях на правоприменительном уровне.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Комиссарова Е. Г. Проблема фактического воспитания ребенка: методологический взгляд // Lex russica. — 2020. — Т. 53. — № 6. — С. 18–32.
2. Низамиева О. Н. Законный режим имущества супругов: к вопросу о перспективах развития правового института // Социально-правовые аспекты трансформации института современной семьи в контексте реализации государственной семейной политики : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию принятия Семейного кодекса Российской Федерации / под общ. ред. О. Ю. Ильиной. — Тверь, 2020. — С. 177–182.
3. О’Салливан С. В поисках баланса между техническим прогрессом и уважением человеческого достоинства // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск «Права человека и биомедицина». — 2018. — № 7. — С. 5–10.
4. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. — М. : Статут, 2013. — 351 с.
5. Синюков В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 2. — С. 9–20.
6. Тарусина Н. Н. Доказывание по гражданским делам из личных семейных правоотношений: трудности жанра // Вестник гражданского процесса. — 2019. — № 1. — С. 254–273.
7. Чашкова С. Ю. О тенденциях развития договорного регулирования семейных имущественных отношений супругов с учетом развития законодательства и судебной практики // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 5. — С. 63–73.
8. Чельшев М. Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Казань, 2008. — 42 с.
9. Чефранова Е. А. К вопросу об ответственности супругов по обязательствам // Семейное и жилищное право. — 2021. — № 2. — С. 30–33.

Материал поступил в редакцию 10 сентября 2021 г.

²⁷ Покровский И. А. Указ. соч. С. 92.

²⁸ Покровский И. А. Указ. соч. С. 101.

REFERENCES

1. Komissarova EG. Problema fakticheskogo vospitaniya rebenka: metodologicheskiy vzglyad [The Problem of Actual Parenting: A Methodological View]. *Lex russica*. 2020;53(6):18-32. (In Russ.)
2. Nizamieva ON. Zakonnyy rezhim imushchestva suprugov: k voprosu o perspektivakh razvitiya pravovogo instituta [The legal regime of the property of spouses: To the question of the prospects for the development of the legal institution]. In: Ilyina OYu, (ed.). *Sotsialno-pravovye aspekty transformatsii instituta sovremennoy semi v kontekste realizatsii gosudarstvennoy semeynoy politiki: sbornik statey po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 25-letiyu prinyatiya Semeynogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Socio-legal aspects of the transformation of the institute of modern family in the context of the implementation of state family policy. A collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 25th anniversary of the adoption of the Family Code of the Russian Federation]. Tver; 2020. P. 177-182. (In Russ.)
3. O'Sullivan S. V poiskakh balansa mezhdru tekhnicheskim progressom i uvazheniem chelovecheskogo dostoinstva [In search of a balance between technological progress and respect for human dignity]. *Pretsedenty evropeyskogo suda po pravam cheloveka. Prava cheloveka i biomeditsina. Spetsialnyy vypusk «Prava cheloveka i biomeditsina»* [Precedents of the European Court of human rights. Special issue "Human rights and Biomedicine"]. 2018;7:5-10. (In Russ.)
4. Pokrovskiy IA. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava [The main problems of civil law]. Moscow: Statut; 2013. (In Russ.)
5. Sinyukov VN. Pravo XX i XXI vekov: preemstvennost i novizna [Law of the 20th and 21st Centuries: Continuity and Novelty]. *Lex russica*. 2021;74(2):9-20. (In Russ.)
6. Tarusina NN. Dokazyvanie po grazhdanskim delam iz lichnykh semeynykh pravootnosheniy: trudnosti zhanra [Proving in civil cases from personal family relationships: difficulties of the genre]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa* [Herald of Civil Procedure]. 2019;1:254-273. (In Russ.)
7. Chashkova SYu. O tendentsiyakh razvitiya dogovornogo regulirovaniya semeynykh imushchestvennykh otnosheniy suprugov s uchetom razvitiya zakonodatelstva i sudebnoy praktiki [Tendencies of the Contractual Regulation of Family Property Relations between Spouses with due regard to the Development of Legislation and Judicial Practice]. *Lex russica*. 2021;5:63-73. (In Russ.)
8. Chelyshev MYu. Sistema mezhotraslevykh svyazey grazhdanskogo prava: tsivilisticheskoe issledovanie : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. [The system of intersectoral relations of civil law: A civilistic study. Author's abstract of the Dr. Sci. (Law) Dissertation]. Kazan; 2008. (In Russ.)
9. Chefranova EA. K voprosu ob otvetstvennosti suprugov po obyazatelstvam [On the issue of the responsibility of spouses for obligations]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo* [Family and housing law]. 2021;2:30-33. (In Russ.)